

## ON RESEARCH OF ASSOCIATIVE SIMILARITY IN THE PROCESS OF TRADEMARK'S LINGUISTIC EXPERTISE

M.E. Novichikhina

*The work is devoted to the problem of trademark's linguistic expert examination and search of ways to improve this process. The paper demonstrates that traditional research of sound and semantic similarity of denomination is not comprehensive in the process of examination. The article claims the necessity of associative analysis of compared elements. The research methodology of associative similarity of trademarks is described. The paper also reveals some typical mistakes made in the process of application of associative methodology.*

*Key words: linguistic expert examination, trademark, confusing similarity, similarity of sounds, graphic similarity, association similarity, index of association similarity.*

*Novichikhina Marina Evgenievna, Doctor of Philology, Professor,  
[novichihiname@mail.ru](mailto:novichihiname@mail.ru), Russia, Voronezh, Voronezh State University.*

УДК 81.25

## ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ТАКСОНОМИИ ДИАЛОГОВ

Ю.С. Панова

*Выявляются основные признаки, присущие различным видам диалоговой речи как формы общения. Автор описывает типы речевого поведения интерактантов, макростратегии, выделяя основные маркеры с точки зрения коммуникативных установок и характера взаимодействия собеседников, а также приводит примеры, иллюстрирующие рассматриваемые языковые явления.*

*Ключевые слова: стратегия, модальность, интенция.*

Ввиду недостаточной разработанности типологии диалога в лингвистической литературе обычно предлагается самая общая классификация «надстилистического характера», состоящая из трех типов речи: 1) дискуссия официального характера; 2) бытовой разговор; 3) интервью [1].

В большинстве современных лингвистических работ авторы оперируют двумя классификациями диалогической речи, в основе которых лежат разные критерии: по типам коммуникативных установок и по характеру взаимодействия участников.

Диалоги обеих классификаций отличаются также разными видами модальности, преобладанием тех или иных коммуникативных реплик (утвердительные, вопросительные, восклицательные, побудительные), интенции и стратегий участников диалога (кооперативная, некооперативная).

Интересен взгляд на стратегию в качестве основного дифференциального признака диалогов. Диалог, будучи одной из форм существования языка, «является едва ли не важнейшей областью проявления языковых за-

кономерностей. Здесь проявляется сложная картина взаимодействия коммуникантов» [2].

В реальном общении интерактант взаимодействует с речевой тактикой говорящего, типами речевого поведения: говорящий может выступать в роли «агрессора», конструктивного собеседника или просто пассивно поддакивать.

Баранов А.Г. предлагает расширить зону действия Принципа Кооперации, интерпретируя его как Принцип Взаимодействия («стремление субъектов через текстовую деятельность к «согласованию» их частично «рассогласованных» когнитивных систем») и дополняя его принципами Функционализма (нормы в различных видах текстовой деятельности), Конструктивизма («конструкция» возможных миров автором и их «реконструкция» реципиентом) и Вежливости.

По мнению Гоффмана, каждым индивидуумом движут два мотива: защищать свою «территорию» от вторжения и устанавливать связь с ему подобным. Последнее ставит под угрозу целостность собственной «территории» [3].

Таким образом, две макростратегии лежат в основе взаимодействия между собеседниками: кооперативная стратегия («сотрудничества», или «миметическая» стратегия от греч. «mimesis» - сходство), и некооперативная стратегия («конфронтации», или «агональная» стратегия от греч. «agôn» - борьба) [4].

В этой связи в научной литературе выделяют агональные употребления речевых единиц, указывающие на конфронтацию:

- а) маркеры дистантности, обособленности говорящих;
- б) маркеры оппозиции, несогласия;
- в) маркеры полемики, вызова;
- г) маркеры речевой агрессии, конфронтации.

Маркеры дистантности позволяют говорящему подчеркнуть свою индивидуальность, отличие от собеседника, свой особый социальный статус и т.п. например:

- «*Moi, c'que j'aime, c'est la chaleur*».

Функция маркеров оппозиционной стратегии тесно связана с функцией маркеров контраргументации или отрицания иллюкутивной, информативной, аргументативной релевантности высказывания, а также сочетается с функцией маркера имплицитного содержания и является средством реализации различных тропов (ирония, гипербола и т.д.) например:

- «*Henri, Enfin, Louis*».

Маркеры полемики отличаются более экспрессивным характером, содержащим элементы вызова, когда на первый план выдвигается эмоционально-оценочный компонент, направленный в конечном свете на личность партнера. Такие маркеры сочетаются часто с имплицитными стратегиями (тропами), такими, как ирония, инсинуация, насмешка и т.д. [5]. Они

связаны с речевыми актами удивления, упрека, запрета, угрозы, досады и т.д. например:

- «*Voyons, dis-donc, eh bien*».

Маркерами агрессии могут быть различные средства, например ругательные слова и т.д.

Для выражения стратегии сотрудничества используются разные элементы речи. Они предназначены маркировать интеграцию, единение говорящих между собой, как правило, в пределах какой-либо группы, отделяя, таким образом, себя от «чужаков» (мы/они). Д. Андре-Ларошбови предлагает три степени такой интеграции:

- а) признание партнера и его точки зрения;
- б) указание на схожесть точек зрения собеседников;
- в) полное согласие с точкой зрения собеседника.

Следующим дифференциальным признаком разных типов диалога является модальность. Модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая различные виды отношения высказывания к действительности [6, 7,]. В этом случае понятие «модальность» включает и эмоционально-экспрессивную оценку говорящего. По мнению В.Д. Девкина, модальность - это вероятность с разной степенью ее осуществления; необходимости; достоверности.

Г.В. Колшанский понимает языковую модальность как прямую аналогию модальности суждения, которая, будучи семантической категорией, «реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения» [8].

Модальность характеризует интенции говорящего. Прагматическая интенция – цель адресанта, которая связана с его мотивацией, а мотивация, в свою очередь, ситуативно обусловлена, то есть возникает в конкретной ситуации общения, в широком социальном контексте как результат предварительной оценки данного контекста адресантом [9].

К интенциональным состояниям Дж. Серль относит веру, страх, надежду, любовь, ненависть, желание, симпатию, неприязнь, сомнение, удивление, удовольствие, раскаяние, восторг, уныние, тревогу, гордость и т.д. [10].

М.Ж. Аренова предлагает классификацию интенций говорящего с учетом ведущего мотива, целеполагания: интенция выражения, эмотивной оценки; интенция выражения эмоционального состояния [11]. Вопрос об интенциях автора (т.е. продуцирующего текст) относится к дискуссионным. Спор ведется в основном по двум положениям: надо ли выявлять в тексте то, что хотел сказать автор, или же текст сам говорит, независимо от интенций его автора. Отношение автора к фрагменту действительности, отображенному в произведении, выражается в произведении через текстовую модальность, которая есть результат реализации авторских интенций, или форма их существования.

В научной литературе одни авторы выделяют утвердительную модальность («Он придет сегодня»), вопросительную («Он придет сегодня?»), побудительную («Приходи сегодня»), восклицательную («Он придет сегодня!»). Другие авторы описывают такие виды модальности, как заинтересованность, возражение, убеждение, агрессия, эмоциональность, воздействие.

Лингвисты различают также алетическую модальность, констатирующую реальность высказывания («Он пришел»), деонтическую, показывающую неуверенность («Он должен прийти»), эпистемическую, выражающую большую уверенность («Без сомнения, он придет») [12]. В основе коммуникативных и речевых стратегий лежат мотивы, потребности и установки коммуникантов [13].

Модальность в художественных текстах рассматривается как «коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте» [14].

В настоящей работе мы считаем целесообразным исходить из традиционного понимания языковой модальности, которая раскрывает отношение содержания высказывания к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего.

Разделяя точку зрения Г.Г. Почепцова, мы считаем реальной конечной интенцией ту, «которая имеет двустороннюю силу и распространяется как на говорящего, так и на адресата» [15].

В качестве примера информативного диалога-разговора рассмотрим диалог из новеллы Андре Моруа «Bonsoir, chérie»:

-Alors, c'est prodigieux, mon petit Antoine... Incroyable, mais prodigieux... Il faut que je m'incline... D'ailleurs j'ai toujours eu, moi aussi, une sorte de faiblesse pour Françoise... Et je n'ai jamais compris pourquoi les gens ne l'aiment pas. (1)

- Est-ce que les gens ne l'aiment pas? (2)

- Ils la détestent... Vous ne le saviez pas? ... J'ai été frappée de retrouver, à Nice, les mêmes jugements sur elle qu'à Pont-de-l'Eure. (3)

- Que lui reproche-t-on? (4)

- Oh! Toujours les mêmes choses... D'être égoïste, coquette avec les hommes, un peu perfide avec les femmes... Très dissimulée ... Et puis de manquer de tact... (5)

Роль лидера, участника, направляющего ход диалога, здесь играет спрашивающий с короткими репликами-переспросами и вопросами (реплики 2,4). Реплики отвечающего протяженные, почти монологизированные (1,3,5).

Диалог происходит при кооперативной стратегии, так он не содер-

жит императивных реплик и специфичной для некооперативной стратегии лексики. Согласно правилам мены коммуникативных ролей, говорящий сам передает свою коммуникативную роль [16]. В этом случае он производит тематическую установку последующего речевого хода. В реплике-реакции (1) такой имплицитной установкой являются слова «Et je n'ai jamais compris pourquoi les gens ne l'aiment pas», в реплике (3) – слова «J'ai été frappée de retrouver, à Nice, les mêmes jugements sur elle qu'à Pont-de-l'Eure». Говорящий намерен услышать от собеседника реакцию на данные суждения. Спрашивающий с помощью эксплицитных средств передаёт ход собеседнику – вопросом.

Мена коммуникативных ролей реализует принцип коммуникативного сотрудничества, предложенный П. Грайсом, принцип вежливости Р. Лакоффа [17] и принцип такта Дж. Лича [18].

Таким образом, все данные принципы образуют систему речевого взаимодействия, основанную на «механизмах равновесия» («mécanismes de régulation») [19]. Такими механизмами выступают: обозначение партнера по коммуникации «mon petit Antoine», используемые в качестве смягчение немного неприятного разговора для спрашивающего; в той же роли выступают слова «D'ailleurs j'ai toujours eu, moi aussi, une sorte de faiblesse pour Françoise». Несмотря на выраженные маркеры кооперативной стратегии, однако, в разговоре присутствуют имплицитные маркеры, указывающие на конфронтацию.

Как уже отмечалось выше, маркеры полемики отличаются более экспрессивным характером, содержащим элементы вызова, когда на первый план выдвигается эмоционально-оценочный компонент, направленный в конечном свете на личность партнера. Они связаны с речевыми актами удивления, упрёка, которые содержатся в репликах (2, 4). Речевые акты, выражающие интенцию неприязни [10], содержатся в репликах (1, 3, 5) «les gens ne l'aiment pas», «Ils la détestent», «D'être égoïste».

Модальность заинтересованности отвечающего выражается в предоставлении информации, а спрашивающего - в ее получении и характеризует интенции говорящих.

Целенаправленность содержит указание на заинтересованность говорящих в сообщении и получении нужной информации.

Целеустановки у персонажей этого диалога разные: у отвечающего – выдать всю информацию, а у спрашивающего – внести сомнение и узнать.

Итак, две макростратегии: кооперативная и некооперативная представляют основные дифференциальные признаки типов диалогового взаимодействия, а модальность, интенция и характер реплик – сопутствующие.

## Список литературы

1. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков. М.: Высшая школа, 1981. 160 с.
2. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1992. 95 с.
3. Goffman E. *Façon de parler*. P.: Minuit, 1987. 278 p.
4. Larochebouvry André D. *La conversation quotidienne*. P.: Didier-Crédif, 1984. 196 p.
5. Kerbrat-Orecchioni C. *Les interactions verbales*. T1. P.: A. Collin, 1990. 318 p.
6. Ярцев В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Современная энциклопедия, 1990.
7. Соскина С.Н., Е.С. Хорольская. К вопросу о модальности //Сб. науч. ст. Калининград: Институт им. Канта, 2009.
8. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 80-106.
9. Голоднов А.В. Функциональная типологизация дискурсов (на примере персуазивного дискурса// Жанры и типы текста в научном и Медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ОГИИК, 2006. Вып. 4. С. 45. 342 с.
10. Searle, J.R. *L'Intentionnalité. Essai de philosophie des états mentaux*. P.: Minuit, 1985. 314p.
11. Аренова М.Ж. Текст и дискурс как сфера реализации оценочной эмотивности // Межвузов. сб. науч. тр. Вып. 4. Жанры и типы текста в научном и Медийном дискурсе/ отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ОГИИК, 2006. С. 92.
12. Gerand Violaine, Daniel Bergez, Jean- Jacques Robrieux. *Vocabulaire de l'analyse littéraire*. P., Nathan, 2001.
13. Масалимова Д.Е. Текст и диалогический дискурс как сфера реализации речевого взаимодействия коммуникантов// Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ОГИИК, 2006. Вып. 4. С. 77-88. 342 с.
14. Донскова О.А. средства выражения категории модальности в драматургическом тексте. М., 1982.
15. Почепцов Г.Г. Фатическая коммуникация //Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин: КГУ, 1986. С. 52-59.
16. Grice H., Cole P., Morgan J. *Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. New-York: Academic Press. Vol. 3: Speech Acts, 1975. P.41-58.
17. Lakoff R. *language and Woman's Place // Language in Society*, 1973. Nr. 2. P. 45 -70.
18. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London-New-York: Longman,

1983. 250 p.

19. Gaulmyn M.-M. Reformulation et planification métadiscursives.// Cosnier J., Kerbrat Orecchioni C. (Direction) Décrire la conversation. Lyon: PUL, 1987. P. 167-198.

*Панова Юлия Сергеевна, канд. филол. наук, доц., [aida.961@rambler.ru](mailto:aida.961@rambler.ru), Россия, Тула, Тульский государственный университет.*

#### GENERAL FEATURES OF DIALOGUES TAXONOMY

*Yu.S. Panova*

*The purpose of the article is to outline the general features typical of different kinds of dialogues as a form of communication. The author describes the interlocutors' types of speech and macrostrategies by distinguishing the main markers of communication purpose and nature of communicators' interaction, and gives the examples illustrating the language phenomena under consideration.*

*Key words: strategy, modality, intention*

*Panova Yulia Sergeevna, PhD (Philology), Associate Professor, [aida.961@rambler.ru](mailto:aida.961@rambler.ru), Tula, Tula State University.*

УДК 808.1

### **СИМВОЛИКО-МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИЗОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИИ В ПРОЗЕ В.Е. МАКСИМОВА КОНЦА XX ВЕКА**

**И.М. Попова**

*Исследуются принципы художественного историзма прозы В.Е. Максимова, доказывается, что символично-метафорический принцип изображения исторических событий преобладал в художественной системе писателя, так как позволял более глубоко выразить концепцию православного видения русского исторического процесса в его романистике.*

*Ключевые слова: художественный историзм, аналоговый историзм, символично-метафорический принцип изображения, православная аксиология.*

Историзм творчества Владимира Емельяновича Максимова вполне закономерен и полностью вписывается в литературно-философский контекст третьей волны русского зарубежья, поскольку писатель не мог не сознавать острую необходимость переосмысления российской истории XX века в аспекте утраты в исторической памяти народа православной аксиологии, бывшей основой народного мировоззрения на протяжении его тысячелетнего существования.